

Парфёнов М. С., Женя Крич, Елена Щетинина,
Анатолий Уманский, Александр Подольский, Денис
Арсеньев, Сергей Буридамов, Наталья Алфёрова,
Олег Кожин, Дмитрий Костюкевич, Максим Кабир,
Александр Матюхин, Дарья Бобылёва,
Ольга Рэйн, Майк Гелприн, Ярослав Землянухин,
Михаил Павлов, Игорь Кром

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2017

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы
иллюстрации *Александра Соломина*
Иллюстрация на обложке: *Ависс Вейльски*

С17 **Самая страшная книга** 2017: сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 505, [4] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-100099-8

Здесь пугают.

Из года в год серия «Самая страшная книга» собирает на своих страницах лучший хоррор на русском языке. Страхи разных эпох и народов. До боли знакомые кошмары и твари из Неведомого, порождения буйной фантазии уже хорошо известных авторов (Майк Гелприн, Дарья Бобылева, Олег Кожин...) и талантливых дебютантов (Женя Крич, Ольга Рэйн, Анатолий Уманский...).

Пугают так, что мало не покажется, на любой вкус: до мурашек по коже; до волос, шевелящихся на затылке; до дрожи в пальцах. До ужаса. На страницах «Самой страшной книги 2017» каждый найдет свой страх, ведь ее создавали такие же читатели, как и вы. И даже больше. Теперь в главной хоррор-антологии страны представлены и лучшие рассказы крупнейшего жанрового конкурса «Чертова дюжина».

Здесь пугают. И только одного можно не бояться: того, что страшно — не будет.

Подписано в печать 22.09.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 2016
© М. С. Парфенов, составление, 2016
© Ависс Вейльски, обложка, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Здесь пугают

— О'кей, Гугл. Где почитать что-нибудь страшное?..

К сожалению для нас, поклонников литературы ужасов, найти стоящий хоррор сейчас нелегко. Жанровые книги в магазинах прячут, как правило, в разделах «фантастика», «детектив», «триллер», «современная проза». Раздела «ужасы» не существует, либо он оккупирован Стивеном Кингом и мармеладными лавстори про вампиров. Не хватает дорожного указателя с надписью «Здесь пугают. 666 км» или чего-то подобного.

Но мы с вами уже проложили тропинку для русского хоррора, и это радует. Вытоптали дорожку, по которой уже четвертый год хаживают тысячи читателей и десятки писателей. Конец этой тропы теряется где-то в туманной мгле, в черном лихолесье. Там, где поскрипывают ветви деревьев, где мрачно подвывает гуляющий среди стволов ветер, а временами с беззвездных небес свергаются кровавые ливни.

Многие, единожды ступив на эту дорогу, назад уже не вернутся. Кто сказал, что к хорошему привыкаешь? Привыкаешь к страшному!

Представьте дорогу, с которой нельзя свернуть. Один шаг — и всё, попался. И вроде бы рядом, в поле зрения — широкая трасса мейнстрима, на футуристических эстакадах не протолкнуться, выделенные под общественный транспорт полосы забиты маршрутными такси с вечно куда-то спешащими домохозяйками. По пешеходным дорожками, аки козлы, скачут фанаты фэнтези, среди которых встречаются изобретшие очередной велосипед постмодернисты. А ты идешь

и идешь по своей тропе, словно в бреду, не в силах сойти, развернуться...

Жуть? Страшно?

Расскажите об этом Майку Гелприну — известному фантасту, однажды попробовавшему силы в хорроре, да так и оставшемуся с нами. Вот он, с несколькими подружками шествует (или шефствует?). Расскажите ему о том, что ужасы — низкий жанр. Или нет, лучше скажите это Дарье Бобылёвой, шагнувшей на кривую дорожку хоррора напрямик из «толстых» литературных журналов.

Скажите это им. Скажите это другим авторам, таким как Олег Кожин, Александр Матюхин, Максим Кабир, Игорь Кром, Елена Щетинина, Александр Подольский, Михаил Павлов.

Думаю, они с вами согласятся: и жуть, и страшно. Но это-то и хорошо!

Благодаря этим людям, равно как и многим другим (в частности, благодаря Владиславу Женеvскому — вечная ему память), в том числе и читателям, которые, как известно, напрямую участвуют в составлении ежегодных сборников «Самая страшная книга», узкая тропинка русского хоррора прямо на глазах расширяется, и, глядишь, уже скоро ее покроют асфальтом и разделят на полосы, превратив в новую современную магистраль. И поедут по ней многотонные грузовики с романами, изящные персональные авто (чу! Первое такое уже промчалось, оставив за собой удивительно приятный «Запах») и семейные экипажи (семейки маньяков и ведьм вы уже видели).

Конечно, там по обочинам будут стоять указатели, а где-то и ограничения скорости («16+», «18+»). И предупреждения. Что-нибудь вроде:

«Здесь пугают. Пристегните ремни безопасности!»

Парфенов М. С.

СНЕЖКИ

Из бабушкиной спальни доносится хриплый бубнеж старого радиоприемника — будто кто-то говорит через прижатую ко рту варежку. В квартире холодно: света нет, газа нет, ничего нет. Алёша в это время на кухне — в шерстяных носках, спортивных поверх рейтуз, толстом свитере, с обмотанным вокруг шеи шарфом — стоит на шатком табурете, прижавшись носом к заледенелому, расписанному морозом стеклу. Смотрит на улицу. За окном, тремя этажами ниже, на заснеженной площадке играют дети.

У него мерзнут пальцы, воздух вырывается изо рта облачками пара. Алёша хотел бы найти свои варежки, сунуть ноги в меховые сапожки и выскочить из дому во двор, чтобы бесконечно долго, до одури играть в догонялы, кататься с горки, лепить снеговиков. Но ему нельзя — бабушка не разрешает. Вот уже неделю твердит, что там, снаружи, все заболели, что надо подождать, пока приедут врачи и военные и всех вылечат. А сама то и дело кашляет и схаркивает в грязный платок красное.

Все его друзья-приятели — во дворе. Вадик, Костя, Антоха, Эдик толстый. А еще там Наташа из соседнего подъезда и Катька с пятого этажа.

Прошлым летом Алёша все время гонялся за Катькой, плевал ей на сандалиии, пока однажды ее подруга не бросила в него камень, разбив лоб до крови. Он тогда не разревелся только потому, что Наташа ему нравилась еще больше, чем Катька, и было бы ужасно стыдно распустить сопли у них на виду. Толстому,

который сейчас стал уже совсем не толстый, Наташа тоже нравилась. Эдик сказал об этом месяц назад, по секрету. И вот эти двое, Наташа и толстый-нетолстый, — они там, во дворе, вместе с другими, а ему, Алёше, приходится сидеть дома и тосковать у окна.

Он следит за Наташей. Девочка стоит по колено в снегу на дальнем краю площадки, в розовой курточке. На плечах у нее иней. Раньше у Наташи были красивые выющиеся волосы, а теперь торчат из-под шапки, как солома, и тоже покрыты инеем.

Она медленно нагибается, вытягивает руку и набирает в пригоршню коричневатый снег. Снег теперь весь такой — с коричневым оттенком, иногда со следами чего-то алого. И люди тоже такие — грязные, заиндевелые, с темными лицами и красными ртами, как будто устроили пирушку с клубничным вареньем, да забыли умыться после этого.

Алёша сам уже неделю не моется — нечем. Воду, которой бабушка набрала полную ванную, прежде чем отключили свет и тепло, разрешено только пить. Еще можно раз в сутки сливать воду кружкой в унитаз, чтобы убрать нечистоты. Мыться нельзя — «экономия». Поэтому у Алёши что-нибудь где-нибудь постоянно зудит. А вот редкие прохожие на улице совсем не чешутся. Как и Наташа, как и другие дети. Они вообще нисколько не суетятся, никуда не спешат, все делают спокойно. Движения плавные, будто во сне.

Вот так же плавно, неторопливо Наташа выпрямляет спину, отводит назад кулачок с коричневым, точно из шоколада слепленным, снежком. Затем резко, как будто где-то внутри нее разжалась невидимая пружина, выпрямляет руку, и снаряд летит по короткой дуге, совсем недалеко, чтобы шлепнуться в сугроб на границе площадки, в стороне от других ребят.

— Не туда, — шепчет Алёша дрожащими губами, обращаясь через стекло к Наташе и остальным. — Кидать нужно друг в дружку, а не куда попало.

Эх, он бы вышел, он бы показал, как надо... Если бы не бабушка. Ну почему она не пускает его, почему? Ведь он же ребенок, ему нужно гулять! И он — здоровый, это они там, на улице, больные, это им нельзя играть! А если уж им можно, то ему тогда тем более. И эти врачи, военные, о которых талдычит ба, где они все?.. Где мама, папа? Бросили, оставили его у вредной старой бабушки. Нечестно!

Алёша готов расплакаться от досады. В голове у него крутится стишок, который в прошлом году заучивали в школе: «Сижу за решеткой, в темнице сырой...» Он представляет себя героем этого стихотворения. Узник в студеной камере, завистливо глядящий на своих друзей в узкие бойницы каземата, пытающийся поймать лучики безнадежно далекого, тусклого солнца.

Скрипят половицы. Ба тяжелой походкой шуршит на кухню. Радио продолжает бубнить. Алёша не вслушивается, ему неинтересно. Там, на единственной станции, которую ловит никогда не выключающийся бабушкин приемник, круглые сутки повторяют одно и то же. Говорят непонятные слова: про эпидемию, вирусы, про какие-то куда-то выпадающие «остатки», зонный слой, дыры, про чрез... ч-рез-вы-чайные меры. И еще то так, то эдак твердят слово «опасность». *Опасайтесь. Опасно. Следует опасаться. Потенциально опасные контакты. Опасность заражения. Опасно, опасно, опасно...* Все эти скучные, мрачные мужские голоса, голоса через варежку, они пытаются напугать Алёшу. Как уже давно до смерти перепугали ба. Послушав их, бабушка запретила ему выходить во двор. Подчиняясь их командам, внимая предупреждениям (*опасноопасноопасноопасно*), на два замка заперла входную дверь и запрятала куда-то ключи. Алёша устал слушать их. Алёша страшно зол на невидимых врунов, прикрывающих рты толстыми варежками, как будто от этого их враки станут правдою.

Бабушка громко, с хрипом кашляет. Алёша не обращает внимания, продолжает следить за вялыми играми своих приятелей через покрытое изморозью стекло. Ба ему надоела не меньше, чем радиоприемник. Она тоже постоянно говорит одни и те же слова, рассказывает одни и те же истории. Про то, как ей было тяжело, когда она была маленькой, во время войны. Про то, каким хорошим был дедушка, которого Алёша совсем не помнит. Про то, до чего он, Алёша, похож на своего папу, бабушкиного сына. Он знает наперед, может угадать, о чем ба будет говорить и что будет делать в следующую минуту. Это совсем несложно. Не сложнее, чем догадаться, куда она спрятала ключи от входной двери.

Вот сейчас бабушка кашляет и охает, наверняка хватаясь при этом рукой за грудь. Значит, у нее снова колет сердце. Значит, сейчас она станет искать таблетки и капли в аптечке рядом с хлебницей, снова будет жаловаться на холод. Но сначала отругает Алёшу за то, что тот вскарабкался с ногами на табурет. Пускай ругается, ему все равно.

— Кха-кха! Иисусе Христе, шо ж так холодно-то, прямо до косточек пробирает... Ну, архаровец, куды залез-та? Слазий, слазий давай, а то ишо, не ровен час, выпадешь с окошка!

На улице толстый Эдик — уже нетолстый толстый Эдик — кидает снежок в сторону бездвижно, как столб, застывшего Вадима. Не долет, хотя Вадик буквально в двух шагах. Еще совсем недавно, этой осенью, они втроем бегали на пруд позади школы, совали в мутную, покрытую ряской воду руки, ловили пиявок, а потом отрывали их от своей кожи и били об камни, с восторгом и отвращением любуясь на остающиеся от гадин брызги. Одну, особенно упитанную, раздувшуюся пиявку Вадик придумал сунуть Катьке за шиворот, но Алёша и толстый отговорили его от этой идеи. Лучше найти дохлую кошку и запихнуть в портфель ей или

Наташе, решили они тогда. А потом пришел Костик, принес из дома футбольный мяч, и всем стало вообще не до девчонок.

— Ну чаво прилип-то, Лёшк?.. — Мозолистая ладонь ба ложится ему на плечо, тяжелая, с дряблой кожей, с пупырышками бледно-синих вен. От бабушки неприятно пахнет — грязью, потом и какашками. Как и Алёша, она тоже давно не мылась. У нее слабый, усталый голос, глухой и хриплый, как из радио: — Шо там тебе, медом намазано, шо ли?

— Почему им можно гулять, а мне нет? — спрашивает Алёша, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заплакать, так сильно ему хочется выбежать к друзьям во двор. — Почему им теперь можно гулять всегда, даже по ночам гулять можно, а мне и днем нельзя выйти, ба?! Почему?! — Он все-таки срывается на визг, на плач. Злой на себя и бабушку из-за всей этой несправедливости, сбрасывает ее руку с плеча, прыгает с табурета и, утирая горячие слезы, бежит из кухни к дверям. Но замирает у порога, вспомнив, что ключи остались у ба в комнате.

Очередной врун монотонно жует сквозь варезку: «...кризис-носит-глобальный-характер... внеочередная-ассамблея-оон... еще-раз-предостергаем... соблюдайте... будьте... опасно». А в голове у Алёши звучит совсем другой, тоненький девчачий, голосок. Это Наташа зовет его. Он не знает как, но ей удастся, оставаясь на улице, шептать ему на ухо: *Дуй к нам, Алёшка! Беги к ней в спальню, вытащи ключи, быстро, быстро, она старая, она не успеет! Забирай ключи и беги сюда!*

Алёша стоит на месте, словно окаменев. Что делать? То ли назад, на кухню к ба возвращаться, то ли и правда в спальню рвануть. Кого слушать? Наташа шепчет, зовет, а приемник бубнит свое про опасность, про то, что ни в коем случае нельзя покидать дома и квартиры, что «помощь скоро придет». По радио крутят эти враки всю неделю, одна только старая глупая ба еще верит им. Но с другой стороны...

Выходи, Алёшка! Поиграем! Построим самую большую снежную крепость на свете! Вадик, Антоха и Катька начнут ее осаждать, а мы вместе с Эдиком – держать оборону.

Всего-то дел – забежать, вытащить быстренько связку ключей из-под матраца и – прочь из дома. Можно даже куртку не надевать, свитер и шарф такие толстые, что будет совсем не холодно.

...Но Алёша помнит, что видел в окно раньше. В те, первые, дни. Не хочет, но помнит страшные крики, доносившиеся с улицы. И у него до сих пор перед глазами то, что Вадим, Антоха, Наташа, и Катя, и толстый, тогда еще толстый, Эдик сделали с Костей. Из-за чего Костик теперь не может ходить, а просто сидит на горке.

«Опасность», – шипит радио. Это единственное, чему Алёша готов верить. Пока еще не забыл, отчего светлая куртка Наташи порозовела.

Зато Костик здесь, с нами! – сердито шипит девчонка у него в голове. – И ты тоже мог бы с нами играть. С утра до вечера и даже дольше веселиться тут, а не торчать дома со своей вонючей старухой.

Давай к нам, Лёшик! – кричат Вадик и Катя.

Айда гулять! – вторят им Эдик с Антоном.

Не бойся, амиго, – а это уже сам Костя. Ухмыляется, по-царски восседая на вершине горки, весело болтывает в воздухе тем немногим, что осталось от его ног. – Помнишь тех жирных пивовок? Также казалось страшно, противно! А крови-то сколько было – помнишь? А ведь ни чуточки не больно оказалось, амиго! Так, слегка пощипало кожу, и все... Тут точно так же! Я ведь для виду орал, когда они меня фрызли, Наташка и остальные. Ну, как в тот раз, когда мы девчонок пугали, изображая привидений. Компренде, амиго?.. Выходи! Сыграем с тобой в цафя горы.

Костя широко улыбается большим и красным, как у клоуна в цирке, ртом.

Выходи... и займи мое место.

И Алёша готов послушать Костю и остальных. Они же его друзья! Его и самого тянет туда, к ним, наружу.

Тянет со страшной силой. Он еще никогда так долго не пропадал дома. Тем более что сейчас, без света, без телевизора, без мамы и папы, с одной только ба ужасно скучно.

Ба....

Бабушка.

– Лешенька... – слабый, жалобный голос с кухни. – Внучек, ты где?

Одна часть Алёши советует ему не обращать на ее стоны внимания, а торопиться во двор, чтобы лепить снеговиков вместе с Наташей и остальными. Другая же его часть говорит, что бабушке плохо.

Алёша заглядывает в дверной проем, ведущий на кухню. Ба сидит на табурете, привалившись спиной к подоконнику. Большая, как бегемот. Три года назад, когда Алёша был еще совсем маленький и не ходил в школу, родители отвезли его в зоопарк. Там в маленькой, тесной для нее клетке стояла огромная, вся какая-то круглая, похожая на большой воздушный шар бегемотиха. Одна-одинешенька, опираясь на короткие толстые ножки, смотрела из-за ограды печальными глазами и дышала так тяжело, как будто вслух сожалела о своей нелегкой бегемотской доле. Смотреть на нее было противно, жалко. Точно так же ему жалко и противно смотреть сейчас на бабушку.

Он никогда ее не любил так сильно, как маму или папу. Она ему никогда даже не нравилась хотя бы так, как Катька или Наташа. На самом деле – и это Алёша сейчас особенно ясно чувствует и понимает – ему всегда было ее просто жаль. И только поэтому он терпел ее слюнявые поцелуи, после которых приходилось оттирать щеки, терпел потные объятия, в которых чувствовал себя так, будто его душили подушками сразу со всех сторон. Мама с папой часто отправляли Алёшу на каникулы к ба, но сами у нее гостили редко... Всё, что осталось у бабушки теперь, – это он.

А у него теперь нет никого, кроме ба. Внезапно и неожиданно остро осознав это, Алёша бежит к ней и, распахнув руки, падает, прижимается к бегемотскому животу, ныряет носом в мягкие складки халатов, которых бабушка, спасаясь от холода, нацепила на себя сразу то ли три, то ли четыре штуки.

— Ну шо ты, Лешенька... шо такое, внучек... — Ее сиплый голос дрожит. Дрожат и ладони, когда она гладит его по голове, по плечам — он чувствует эту дрожь, Алёшу и самого мелко трясет.

— Ба,— всхлипывает он.— Они зовут меня, ба...

— Хтой-то? Кто тебя зовет?

— Ребята... — хнычет Алёша, не отрывая лица от толстого брюха. Теперь его собственный голос звучит глухо, почти как голоса врунов с радио. Но он не может, он боится поднять голову и посмотреть ба в глаза. Боится, что, взглянув на него, она поймет, что еще совсем недавно, еще минуту тому назад он почти уже готов был ее предать, бросить.— Они зовут меня гулять, ба... В снежки...

Все ее большое, необъятное тело содрогаются. Будто землетрясение прокатилось по горным склонам. Бабушка издает громкий то ли стон, то ли вздох, обхватывает Алёшу за плечи, прижимается к его щеке своей, и он чувствует мокрое, что ручейками течет у нее по морщинам.

— Это кажется, внучек,— говорит она. Алёша слышит, как гулко, неровно стучит больное старое сердце, как хрипит у ба в легких.— Тебе просто кажется...

— Да?..

— Да, Лёшенька. Не могут они тебя звать,— тихонько плачет бабушка.— Понимаешь, они ведь уж как бы и не они. Не живые... не мертвые.

— Злые, ба?..

— Да и не злые, пожалуй шта... Просто не люди ужо. Ну да ничего,— снова вздыхает она и громко, с хлопом, тянет носом.— Прорвемси, Лёшк... Фашистов в

оккупацию перетерпели — и этих... переживем. Лёшк, ты ж, наверное, кушать хочешь, а, Лёшк?..

Он совсем не думает о еде, но кивает просто для того, чтобы порадовать бабушку. Он знает — все бабушки любят кормить своих внуков, и его ба не исключение. Алёша выскальзывает из ее теплых мягких объятий, делает шаг в сторону, чтобы та могла подняться. Пока бабушка шаркающей походкой идет к кладовке за консервами, мальчик снова невольно прилипает взглядом к стеклу. Его друзья все еще там. Бродят бесцельно по площадке, оставляя в коричнево-буром снегу широкие борозды.

«Как же так? — снова одолевают Алёшу сомнения.— Как же они не живые, если в снежки играют? Или они только притворяются живыми?..»

Внезапно его накрывает тень. Грохочет, стучая дном по столу, консервная банка. Бабушка придвигается мимо Алёши к окну, трясущимися руками отбрасывает в сторону желтоватый тюль, с шумом и лязгом поднимает щеколду. Трещит ледяная корка, дребезжит стекло — ба распахивает окно, пуская в комнату поток морозного воздуха, сама высовывает непокрытую голову наружу, сишло кричит во двор:

— Прочь! Прочь пошли, нехристи окаянныя! Оставьте в покое! Неча вам тут делать, среди живых!

Те, внизу, никак не реагируют на ее ор. Наташа кидает очередной снежок в кусты. Вадим нагибается к сугробу. Катька идет, как шла, из одного угла площадки к другому. Эдик стоит без движения, Антоха сидит на качелях, а Костя продолжает медленно покачивать культиями. Под ним, на скате горки, поблескивает заледеневшая кровь.

— Вот видишь, внучек,— оборачивается ба.— Не слышат они нас. И говорить не могут, и позвать никого никуда не способны. Нелюдь они, больше никто.— Она прикрывает ставни, двигает все еще дрожащей рукой в его сторону открытую банку. Там, в мутной,

похожей на слизь жиже, плавают несколько бледных килек.— Кушай, Лёшенька, кушай, внучек. А я... — бабушка наклоняется к аптечке,— валидолчику возьму, а то штой-то сердце сегодня шибко колет...

Она находит початую пачку, выдавливает из нее таблетку и кладет под язык. Алёша, притихший, молча сидит за столом, ковыряя грязной вилкой в банке. Килька нехорошо пахнет, и он не испытывает даже мало-мальского желания ее есть. Запах из банки похож на тот, что ворвался на кухню вместе с холодным воздухом, когда бабушка открыла окно. И еще он похож на то, как попахивает от самой ба, на тот едва уловимый, терпкий смрад, что поднимается из глубоких складок у нее между грудями и животом и от подмышек. Алёшу отчего-то пугает эта вонь.

— Пойду прилягу,— говорит ба.— Холодно-то как, божечки ж ты мой... Кха-кха! — И, держась левой рукой за грудь, а правой опираясь о стену, шаркает к себе в комнату.— Сталина на вас нет,— слышит Алёша, как ругает она вполголоса радио.

Это вызывает у него улыбку. Вспоминается мама, как та ворчала, если бабушка говорила что-нибудь о Сталине. Он не понимал почему, но маму такие разговоры всегда очень злили. В ее глазах этот непонятный Алёше человек, Сталин, был кем-то ужасным. «Все мечтает о твердой руке, старая кошелка»,— сказала однажды ма, а папа расхохотался в ответ: «А может, и не о руке вовсе!»

Алёша надеется, что с ними все в порядке, с его родителями. Там, куда они каждый год летают в отпуск, в месте под названием Тайлан, очень тепло. Там всегда светит солнце. Там вообще никогда не бывает зимы, а значит, не могло быть и этого неправильного, коричневого, снега. Обычно ма звонила каждый вечер на домашний телефон. Поговорив с ней, бабушка передавала трубку Алёше, и он долго слушал рассказы мамы про пляжи с золотистым песком, пальмы

и море. В конце разговора трубку брал папа, чтобы пожелать ему спокойной ночи и сказать, как они его любят. Когда-нибудь, знает Алёша, уже совсем скоро, когда он станет старше на год или, может быть, на два, мама и папа начнут брать его с собой в эту сказочную страну, и тогда он своими глазами сможет увидеть все то, о чем говорила ма.

Звонков не было уже давно, но бабушка объяснила ему, что это из-за проблем со связью. Мама с папой обязательно вернутся, «обязатенно-обязатенно», обещала ба. Очень скоро они прилетят, с врачами, военными, и тогда все станет по-старому, хорошо, как прежде. Так все и будет.

Но пока он сидит один за кухонным столом, изо рта вырывается облачками пар. И его снова манит оконное стекло. Отодвинув консервы, к которым так и не притронулся, Алёша встает. Пол холодный, ледяной, он чувствует этот лед через носки. Алёша подходит к окну, заглядывает в него. На улице темнеет, мороз схватил стекло крепче прежнего, покрыл плотным, словно сотканным из снежинок узором. Алёша дышит на него, трет подмерзшую поверхность концом шарфа, но это не сильно помогает. Стекло остается мутным, как будто смотришь через стакан с водой. Там, на бело-коричневом, все еще угадываются фигурки ребят. В глаза бросается розовое пятно Наташиной курточки, ее желтые волосы. В расплывчатой глади она видится ему яркой большеглазой принцессой из японских мультфильмов. Сгущается тьма. Тихо подывает ветер. Живые, мертвые ли, его друзья будут играть во дворе всю ночь, пока Алёша спит, и наутро, когда он вернется к своему наблюдательному пункту, то снова увидит, как они кидают куда попало коричневые снежки.

Холод и темнота окутывают мальчика, его начинает клонить в сон, где он снова слышит голоса друзей. Ребята звонко хохочут и зовут его погулять.

В спальне у бабушки что-то с грохотом падает на пол. Что-то большое. Алёша, придремав было, подпрыгивает на месте. Испуганно озирается по сторонам, но спросонок мало что может разобрать в заполнивших помещение сумерках. Снаружи уж выкатила на небо луна. Ее серебристый свет, преломляясь в морозной мозаике оконных стекол, разметал по кухне десятки причудливых теней. Алёша часто, прерывисто дышит и чувствует, как под толстым свитером в груди колотится, трепещет от страха маленький комочек его детского сердца.

Радио молчит.

Почему-то это пугает Алёшу больше, чем что бы то ни было еще, больше, чем темнота и разбудивший его шум. Все эти дни приемник в бабушкиной комнате не замолкал ни на минуту, раз за разом повторяя одно и то же: «Опасно, опасно, опасно, опасно» — сейчас это слово звучит лишь в голове у Алёши, и от этого ему ужасно не по себе. Он был бы счастлив услышать что угодно, любой знакомый звук, пусть даже храп или тяжелый, болезненный кашель ба, но квартиру наполняют только холод и пронзительная, напряженная тишина.

«Опасно. Что-то случилось. Опасно!»

Лучше б ты вышел поиграть с нами, Алёшка, — ласково шепчут ему на ухо Катька, Наташа и остальные. — *Лучше б ты вышел, когда тебя звали.*

Он старается не слушать их. Боязливо крадется через узкий проход в коридор и к бабушкиной комнате. Пытаясь заглушить голоса в голове, тихо повторяет:

— Сижу за решеткой, в темнице сырой... Сижу за решеткой, в темнице сырой...

Скрипит дверь в спальню. Здесь света еще меньше, чем на кухне, но глаза Алёши уже привыкли к полумраку. Он застывает на пороге, обмерев при виде открывшегося зрелища.

Посреди комнаты на полу лежит ба, на спине, упершись плечом в угол кровати. Ноги в толстых колготках

разметаны, халаты распахнуты, левая грудь, большая и бледная, покрытая морщинами титька, вывалилась наружу и свисает набок, напоминая одновременно спущенный мячик и сдутую боксерскую грушу. Глаза бабушки закрыты, кожа белая, по щекам растекаются серые пятна, из тонкой щелочки рта тянется вниз блескучая нить слюны.

— ...в темнице сырой. Ба-а?..

Бабушка выглядит как большая игрушка, плюшевый бегемот с встроенным механизмом, в котором что-то сломалось.

«Она умерла?» — вспыхивает в голове у Алёши страшный, ужасный вопрос.

Ее левая рука, чуть согнутая в локте, протянута по полу в сторону коридора, кончики скрюченных пальцев едва заметно дрожат. Рядом, у стены, валяется разбитое радио, а среди осколков белой пластмассы Алёша видит пузырек с бабушкиными каплями от сердца — колпачок слетел, вокруг растекалась небольшая лужа. Едкий запах валокордина смешался с вонью, как от консервной банки, только более противной, терпкой.

«Не умерла... умирает».

— Ба! — зовет он шепотом.

— Ши-щас-с, внучк... — сипит бабушка еле слышно, практически не шевеля губами. — Ши-щас я немног... отдхну... полжу... вста-а-а...

Алёша начинает понимать, что произошло. Ба, видимо, стало плохо. Она хотела принять свои капли, встала с кровати, но не удержалась, упала, зацепив при этом провод от радио и выронив пузырек с лекарством.

Его дыхание в темноте клубится сизым дымком. А ба дышит еле-еле, так слабо, что пар из черной беззубой щели поднимается едва заметным туманом.

— Ба, не умирай, — хнычет Алёша, упав перед ней на коленки. — Не умирай, пожалуйста, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, ба!

— Ну шо ты, роденький, шо ты... А-А-А-а-а... — издает бабушка протяжный нутряной стон и замолкает. Бегемотская туша содрогается. Слюна перестает течь изо рта. В темноте Алёша пытается уловить звук, приметить дыхание ба, но тщетно.

А потом ее рука вцепляется в бедро Алёши.

Крепко, жестко. Искривленные пальцы, как когти, вонзаются в его плоть сквозь штаны и рейтузы. От боли и испуга он пронзительно вскрикивает. Ба поворачивает голову, позвонки хрустят, поворачивает голову и смотрит на Алёшу сверкающими бельмами, в которых не видно зрачков.

— Ба, что с тобой, ба! — верещит он, не помня себя от ужаса. Чувствуя, как по ногам струится горячая жидкость: описался, стыдно, страшно, описался!

Бабушка грузно переворачивается на бок, тянет вторую руку, чтобы схватить его. Рот ее широко раскрывается, как пасть у змеи, которую он когда-то видел в документальном кино на канале «Дискавери». И, словно та гадюка, бабушка шипит.

В панике Алёша дергается назад, уворачиваясь от когтистой лапы. Изо всех сил брыкает ногами, пытаясь вырваться из мертвой хватки. «Бежать, бежать, бежать, *ОПАСНО!*» — вопит все его существо. А бабушка, продолжая издавать угрожающее шипение, уже опирается на локти и колени, уже поднимается, тянет к нему белое с серыми пятнами на щеках и бездонной пещерой рта лицо. Вытаращенные, лишённые зрачков глаза гипнотизируют. С трудом оторвав от них взгляд, мальчик перекатывается на живот и быстро, как может, выползает из комнаты. В мякоть ладони больно вонзается острый осколок разбитого корпуса радио. Бежать, бежать! Алёша подскакивает, цепляет стопой порог, но все-таки вываливается в коридор, прыгает к двери... Закрыто! Дурак, ведь ключи-то У НЕЕ В СПАЛЬНЕ, дурак, дурак, ДУРАК!

Трясаясь от ужаса, с мокрыми штанами, в слезах и соплях, он смотрит назад. Перед глазами все плывет, растекается. В узком пространстве дверного проема стоит, чуть заметно раскачиваясь, жирный и жуткий Бегемот. Терпеливо поджидает «внучека». Голая титька все еще торчит из халата, повиснув на толстом, выпирающем вперед брюхе. Широкий плоский сосок тарачится на Алёшу, будто огромный серый глаз. Ничего более неправильного, ничего более пугающего он в жизни не видел.

— Сижу за решеткой, в темнице сырой... сижу за решеткой, в темнице... — скороговоркой повторяет Алёша, вжимаясь спиной, до боли в лопатках, в коридорный угол. Ба медленно шагает ему навстречу, раскрывая холодные мертвые объятия.

Последний шанс! С истошным воплем он кидается вперед. Вжимает голову в плечи и, зажмурившись, проскакивает у бабушки под мышкой. Кровать! Подушка! Матрац! Ключи!..

Вдруг его горло обвивает тугая колючая змея. Шею пронзает мгновенная боль, звенит под ногой стеклянный пузырек. Алёша на мгновение подлетает вверх — так, что ступни отрываются от пола и взмывают на уровень лица. А затем он всем телом тяжело падает, ударяясь спиной об пол. Толстый шерстяной свитер смягчает приземление, но все равно из груди разом выходит весь воздух, в голове звенит, перед глазами мелькают белые искорки. Как выброшенная на берег рыба, Алёша беззвучно хлопает ртом, пытаясь вдохнуть хоть капельку кислорода.

Отпустив длинный конец шарфа, бабушка склоняется над Алёшей, грозя раздавить ему ноги своей необъятной тушей. Он чувствует запах — от ба воняет тухлыми консервами. Морщинистое лицо все ближе, ближе... Бабушка словно желает подарить любимому внуку один из тех влажных, противных поцелуев, после которых потом приходится так долго оттирать

щеки... Только на этот раз ба целует его не в щеку – огромный холодный рот накрывает целиком губы и нос. Влажный и липкий, как пиявка, язык ползет по коже, проталкивается в ноздрю... Алёша задыхается от ужаса и отвращения. Безотчетно шаря по полу, нащупывает что-то твердое, хватает, сжимает слабеющими пальцами. Радио!

Не соображая, что делает, Алёша бьет приемником оседлавшее его чудище по голове, в висок. От удара ба прерывает свои омерзительные ласки, ее губы и язык с мягким чавкающим звуком отлепляются от лица внука. Алёше удастся вдохнуть. Это придает ему сил, и он снова бьет старуху, еще и еще. Разломанный корпус «Лира-201» трещит, пластиковые щепки летят во все стороны, что-то черное брызжет у бабушки из ушей, носа и рта. Наконец она заваливается на бок рядом с Алёшей. Приемник выпадает у того из руки. Всем телом Алёша отползает от ба как можно дальше – до тех пор, пока не упирается в стенку.

Несколько минут лежит там, пытаясь отдышаться. Легким не хватает воздуха, горло дерет, Алёшу мутит от вони лекарств и бабушкиного трупа. Его выворачивает кислым желудочным соком на цветастый рисунок обоев.

Кажется, он несколько раз теряет сознание на долю секунды, чтобы тут же прийти в себя. Алёша не знает точно, обморок ли это. Прежде ему еще никогда не доводилось падать в обморок. Как будто проваливаешься в бездонную черную яму, а затем медленно, с большим трудом карабкаешься обратно на свет. Можно ли упасть, если уже валяешься?.. Можно ли подняться, оставаясь без движения?.. Он не понимает, ему сложно думать об этом, как и о чем-либо еще.

Потом к нему приходит понимание того, что он сделал. Что он натворил. Оно, это понимание, представляется ему в образе папы, обычно такого веселого и улыбчивого, но только не сейчас. Суровое лицо отца

выплывает из темноты. Папа хмурит брови и говорит тем голосом, каким обычно отчитывал Алёшу, если тот приносил из школы дневник с тройкой, забывал почистить зубы перед ужином или небрежно заправлял постель поутру.

Ты убил ее, – говорит папа. – *Ты убил свою бабушку, Алексей.*

Огромное, тяжелое, в сто тысяч раз тяжелее, чем бегемотское тело ба, чувство вины обрушивается на и без того раздавленного, впавшего в смятение Алёшу.

– Я не хотел, – шепчет он в темноту. – Я не думал... не знал...

Бабушка лежит бесформенной кучей, а перед ней, ощерив зазубренные пластиковые клыки, валяется расколотый старый приемник. Из его нутра торчат медные проводки, с которых, как и с обломков корпуса, стекает темная вязкая кровь. Еще больше черной жижи натекло вокруг бабушкиной головы. Алёша замечает пучок седых волос и прилипшую к ним серую кожу, похожую на обрывок туалетной бумаги.

Видишь, что ты наделал.

Разве хорошие мальчики поступают так со своими бабушками? – это уже ма, ее лицо появляется рядом с отцовским, теперь они висят вдвоем под потолком, словно пара грустных воздушных шариков.

Алёша чувствует себя очень виноватым, но все равно счастлив видеть их обоих, хотя и понимает, что они – лишь плод его воображения. На самом деле мамы и папы здесь нет. Возможно, их уже *нигде* нет. Но ему не хочется думать об этом. Как и о бабушкином трупе.

Она ведь уже была мертвая... Или все-таки живая? Алёша окончательно запутался. Ба умерла только после того, как он ее ударил? Или это была уже вторая ее смерть? А до этого она уже успела один раз умереть и... ожить?

Может быть, она сумеет ожить еще раз? От этой мысли ему вновь становится страшно. Алёша устал,

очень устал, и ему не хочется подходить к бабушке, но иначе никак не добраться до ее постели и того, что спрятано там внутри. Поэтому он перебарывает страх, заставляет себя встать. На негнувшихся ногах аккуратно, мелкими шажками обходит грузное тело, стараясь не спускать с него глаз. По другую сторону, однако, ему все-таки приходится упустить ее из виду, чтобы, нагнувшись, сунуть руку в щель между кроватным дном и матрасом. Дыхание перехватывает, сердце в груди сжимается, когда он слышит сухой шелест – бабушка опять ползет за ним! Но это лишь шорох потревоженных простыней.

Алёша долго не может нащупать то, что ему нужно. Приходится совать под матрац обе руки по самые плечи, прижиматься щекой к волокну покрывала. Постельное белье пахнет мочой и смертью. Мама и папа – два призрачных лика, зависших под потолком, – внимательно наблюдают за его действиями. Алёша чувствует их взгляды, но старается не обращать внимания. Наконец пальцы находят холодный металл, под матрацем глухо звякает связка ключей. Алёша тянет их на себя, но те цепляются за что-то. На протяжении одного страшного, неимоверно растянувшегося мгновения он видит мозолистую руку ба, схватившую ключи с другой стороны кровати – видение исчезает, когда связка все-таки поддается, и Алёша по инерции, не удержавшись, падает задом на пол.

Ты что же, собираешься бросить бабушку здесь, одну?

Оставишь ее гнить?

Внуче-ек... Ты хде, внуче-ек?

– Вы не можете говорить! Не можете говорить! НЕ МОЖЕТЕ! – Алёша машет руками, разрывая в клоушь шарики-лица, разбивая бряцаньем ключей и собственным криком призрачные голоса.

Стоя возле дверей, отпирая дрожащими руками замки, он страшится оглянуться. Алёша прекрасно знает, видит, как если бы у него выросли на затылке

глаза, что там, за спиной, сейчас стоят они: бабушка, папа и мама.

– Это вы меня бросили, – всхлипывает он. – ВЫ ВСЕ! – кричит он, а через пару минут уже выбегает на заснеженный двор и, купаясь в лунном сиянии, вдыхает студёный, с легкой, почти неуловимой гнильцой воздух.

Коричнево-белый снег забавно хрумкает под ногами, пока Алёша спешит к игровой площадке. Когда он, счастливый, летит навстречу друзьям.

Первым его замечает Костик. Повернувшись вполоборота на вершине горки, Костя тянет к Алёше руки, показывает пальцем со своего трона. «Привет, амиго!» – мысленно восклицает Алёша. Больше нет нужды разговаривать вслух, они и так его слышат.

В грудь ему прилетает снежок. Еще один задевает плечо.

Он так скучал... Он безумно рад видеть их всех. Они тоже рады, он знает. Они улыбаются ему красными улыбками, окружают его... Самые лучшие на всем коричнево-белом свете друзья: Наташа, Антоха, Катька, Вадим, Костик и, конечно же, толстый-нетолстый Эдик.

У его друзей белые, лишенные зрачков глаза. Худые, голодные лица.

И, в отличие от старой Алёшиной ба, у них есть зубы.